

Учитель Чжу, видимо, понял, о чём думает Чэнь Янь, и произнёс:

— Молодые люди, ошибки неизбежны.

Сказав это в качестве утешения Чэнь Яню, он с интересом повернулся к Ли Чжэну:

— Молодец, парень! У тебя широкий кругозор!

Лю Хуэйин тоже не ожидала, что Ли Чжэн всего двумя фразами перевернет ситуацию и поставит Чэнь Яня в такое нелепое положение.

Более того, только что сказанные Ли Чжэном слова были вполне обоснованы. Что за Бейеринк, что за Уэнделл — вряд ли в школе много учителей, кто бы знал этих имён.

— Сяочжэн, ты...

Чувства Лю Хуэйин были сложными и трудноописуемыми, но в большей степени это была радость. Неужели это значит, что Ли Чжэн ещё можно спасти?

— Я просто люблю иногда почитать.

Ли Чжэн почесал затылок, его улыбающиеся глаза смотрели на Лю Хуэйин. Тепло, исходящее из его взгляда, заставляло чувствовать себя словно под тёплым солнцем.

Лицо Лю Хуэйин на мгновение стало рассеянным. Сквозь черты Ли Чжэна ей привиделось другое, похожее лицо.

— Любить читать — это хорошо, это хорошо. Но, Сяочжэн, ты сейчас в старшей школе, как раз самое ответственное время. Если ты потратишь время, которое тратишь на чтение внеклассной литературы, на учебники, то обязательно поступишь в университет!

Всего за мгновение Лю Хуэйин пришла в себя, она крепко взяла Ли Чжэна за руку и стала наставлять:

— Твоя учительница права, любить читать — это хорошо, но ты должен осознать важность гаокао. Хочешь ли ты в будущем работать в поле под ветром и солнцем или сидеть в кабинете и работать в офисе — это зависит именно от этих двух лет!

Учитель Чжу, очевидно, произвёл очень хорошее впечатление о Ли Чжэне и редко говорил так много.

В этот момент прозвенел звонок на урок.

Ли Чжэн быстрыми шагами вышел из кабинета, но не думал, что Чэнь Янь тоже выйдет следом. Когда они зашли в класс один за другим, Ли Чжэн осознал, что сейчас урок биологии.

Выражение лица Чэнь Яня было каким-то рассеянным, вероятно, он всё ещё думал о стандартных ответах.

Ли Чжэн вошёл в класс и увидел в глазах Ли Чаояна вопросительный и беспокойный взгляд. Он кивнул ему, показывая, что с ним всё в порядке.

Сев на своё место, Ли Чжэн полистал учебник биологии. В нём содержались очень элементарные биологические знания. Поскольку биология в Хуаго начала развиваться поздно,

многие теории были просто скопированы с Запада.

А из-за объективного существования различий между китайским и западными языками, перевод профессиональных трудов был крайне сложным, и многие китайские формулировки в учебнике казались Ли Чжэну совершенно грубыми.

Если бы в прошлой жизни его студент осмелился сдать ему такую работу, он бы отчитал его от души и без утайки. Однако... сейчас ему приходилось старательно заучивать этот учебник.

Да, именно заучивать. Иначе неосторожно напишешь какое-нибудь великое открытие в биологии, и это будет плохо.

Чэнь Янь стоял на кафедре и вёл урок, но в сердце было как будто подвешено ведро с водой — то поднималось, то опускалось. Когда он увидел, как Ли Чжэн лениво и быстро листает учебник биологии, огонь в сердце тут же вспыхнул.

Вспомнив слухи, услышанные по дороге, Чэнь Янь вдруг холодно усмехнулся и произнёс:

— Некоторые пропустили несколько дней занятий и, глядя на эти несколько тестов, вероятно, не понимают, какого уровня они достигли в школе. В школе 500 с лишним учеников, и только 60 человек имеют общую сумму баллов ниже 250. Ученики, сдавшие такие тесты, какое у них лицо сидеть в классе старшей школы Дунлю!

Рука Ли Чжэна, перелистывающая книгу, замерла. Его общая сумма баллов, кажется, была 249...

На кафедре речь Чэнь Яня продолжалась:

— Плохая успеваемость не страшна, страшнее всего — плохая мораль! Многие одноклассники в нашем классе из семей рыбаков, все знают, что означает это время года для рыбаков. Я уже слышал, что несколько родителей в последние дни выходили в море днём и ночью, не желая отдыхать даже одну ночь. Но!

Услышав это, глаза Ли Чжэна уже прищурились, он примерно понял, что Чэнь Янь хочет сказать. Всего несколько дней, а этот слух уже дошёл до уха учителя в соседнем городке. Если сказать, что за этим никто не стоял, возможно ли это?

— Но я слышал, что в нашем классе есть человек, который ради личной выгоды позволил лодке, которая должна была выйти в море, одиноко стоять запертой на причале! Ещё одна лодка позволила бы многим рыбакам не выходить в море ещё один раз, позволила бы многим семьям съесть ещё один кусок хлеба. Я не ожидал, что ученик, получивший моральное образование Нового Хуаго, совершит такой поступок. Это просто моральное разложение!

Чэнь Янь говорил эмоционально и очень заразительно. Лица многих учеников в классе, происходящих из рыбацких семей, также выразили негодование, ведь те, кто выходили в море днём и ночью без отдыха, были их ближайшими родственниками.

— Речь идёт о Ли Чжэне, да?

— Ещё бы, слышал, отец Ян Кайцзяня лично ходил к нему проводить идеологическую работу и даже подарил старую курицу, но Ли Чжэн всё равно не уступил.

— Настоящий эгоист.

— Точно!

Шёпот обсуждения становился всё громче, взгляды многих учеников на Ли Чжэна начали становиться недоброжелательными.

Ли Чаоян заволновался:

— Не говорите чушь! Ли Чжэн такой же ученик, как и мы. Разве эти взрослые глупые? Если он сказал не пускать лодку, значит, есть другие причины!

Он встал и громко сказал:

— Да брось! Это просто потому, что люди добрые, говорят, что его отец только что умер. У Ли Чжэна отец — отец, а у нас отцы — не отцы? Мой отец позавчера ради большего урожая ночью вышел в море — чуть не вернулся!

Парень с задних парт вдруг встал и закричал.

Услышав это, Ли Чжэн медленно поднялся со своего места. Он повернулся и вдруг поклонился перед одноклассниками в классе. Все были испуганы внезапным действием Ли Чжэна, гнев в сердцах, спровоцированный словами Чэнь Яня, внезапно погас наполовину.

Ли Чжэн, сохраняя поклон, слегка усмехнулся в уголках рта. Хотя в прошлой жизни он большую часть времени проводил в лаборатории, информация двадцать первого века ни в какое сравнение не идет с этим временем.

В области биофармацевтики существует такая поговорка: американская наглость, китайское тайцзи, японские извинения. Те фармацевтические компании, которые случайно допускали несчастные случаи при экспериментах с лекарствами, полагались именно на эти методы, чтобы снова и снова получать прощение общественности.

Американская наглость опирается на их мощную комплексную силу, у Ли Чжэна такого условия не было. Техника китайского тайцзи была слишком глубокой, он ещё не практиковался до этого уровня, единственное, что можно заимствовать — это японская техника извинений.

Ли Чжэн сохранял поклон в течение некоторого времени. Увидев, что весь класс тих как мышь, он медленно выпрямил тело и произнёс:

— Прежде всего, я хочу сказать извинение. Из-за внезапной смерти отца я всё время не был в настроении заниматься делами лодки и не думал, что лодка, не выходявшая в море несколько дней, на самом деле может вызвать такое большое влияние.

Если бы Ли Чжэн сразу начал оправдываться, одноклассники, которые были в ярости, заранее бы решили, что Ли Чжэн хитрит. Но Ли Чжэн сначала поклонился, все в растерянности, гнев погас наполовину, плюс его извинение и тот факт, что в словах невзначай упоминалась смерть отца Ли, это заставило всех прийти в себя.

Ли Чжэн такой же ученик, как и они, просто старшеклассник. Поставь себя на его место, если бы такая вещь случилась у тебя на теле, ты, боюсь, тоже не смог бы так бескорыстно отдать лодку.

Одноклассники в классе переглянулись друг с другом, звука не было.

Ли Чжэн резко повернул речь, его острый взгляд плотно прижался к Чэнь Яню на кафедре, на лице которого из-за мгновенного переворота ситуации Ли Чжэном возникло удивление:

— Учитель Чэнь, вы только что тоже сказали, что вы «слышали». Перед своими учениками беззастенчиво распространять неподтверждённый слух, вы считаете, что это поведение, которое должен иметь учитель? Более того, я думаю, что вы намеренно сеете раздор и намеренно провоцируете групповые инциденты!

Ли Чжэн сказал строгим голосом.

Это обвинение было весьма тяжёлым. Руководство Хуаго, только что вышедшее из турбулентности, уделяло большое внимание стабильности. Если бы это обвинение подтвердилось, Чэнь Янь, боюсь, не смог бы сохранить даже свою работу.

Голос Ли Чжэна был очень громким. Учебное здание восьмидесятых годов не было таким просторным, как в более поздние времена. Учительский кабинет, включая кабинет директора, и классы всех классов были тесно прижаты к этому небольшому этажу, и как раз кабинет директора находился рядом с классом 1-8, поэтому слова Ли Чжэна легко дошли до ушей директора Чжана, который работал в кабинете.

Директор Чжан, услышав звук, пришёл и встал у задней двери класса 1-8, его лицо было очень суровым.

Чэнь Янь не обнаружил прихода директора Чжана, его гнев был вызван словами Ли Чжэна, плюс он вспомнил то, что только что произошло в учительском кабинете, его взгляд, устремлённый на Ли Чжэна, стал даже немного свирепым.

<http://bllate.org/book/17704/1653415>